

18 *Алина Николевская*



*Недолгое счастье  
Фёдора Макарова*

Алина Николевская

**Недолгое счастье  
Фёдора Макарова**

«Издательские решения»

**Николевская А.**

Недолгое счастье Фёдора Макарова / А. Николевская —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533274-5

Роман из серии «Усмешка дьявола». Исключительно развлекательный, без убийств, без пожаров и без наводнений. И без какого бы то ни было намёка на морализаторство и нравоучения, типа — «Не в свои сани не садись», «Лучше своё отдать, нежели чужое взять», «От чужих нажитков, не нажить пожитков», «Знай, сверчок, свой шесток!», «Знай, телок, свой хлевок!», «На чужое пиво не надуешь рыла», «Чужое большое, да не прочное, а своё малое, да правое». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-533274-5

© Николевская А.  
© Издательские решения

# Содержание

Недолгое счастье	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# **Недолгое счастье Фёдора Макарова**

**Алина Николевская**

© Алина Николевская, 2021

ISBN 978-5-0053-3274-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Недолгое счастье Фёдора Макарова Роман

Роман из серии «Усмешка дьявола». Исключительно развлекательный, без убийств, без пожаров и без наводнений. И без какого бы то ни было намёка на морализаторство и нравоучения, типа – «Не в свои сани не садись», «Лучше своё отдать, нежели чужое взять», «От чужих нажитков, не нажить пожитков», «Знай, сверчок, свой шесток!», «Знай, телок, свой хлевок!», «На чужое пиво не надуешь рыла», «Чужое большое, да не прочное, а своё малое, да правое».

*Французские бесы – такие балбесы, но тоже умеют кружить.*  
Владимир Семёнович Высоцкий

*Дьявол, которого ты знаешь, лучше дьявола, которого ты не знаешь.*

Тем, кто не верит в чудеса, вот вам история о том, как на простого полевого геолога Фёдора Макарова самым внезапным и ошеломляющим образом свалилось богатство. Причём, свалилось как бы даже непосредственно с небес, и прямо ему под ноги. А ведь незадолго до этого тридцатидвухлетний геолог уже чуть было не поставил на себе крест, с грустью как-то вечером осознав за бутылкой водки, что стал почти неотличим от своих бесчисленных соотечественников – мужчин и женщин, влачащих свои дни под пыльными знамёнами такого печального явления, как синдром отложенной жизни. И находящих даже своеобразное удовольствие в созерцании процесса неуклонного умаления своей социальной роли и человеческого предназначения, вплоть до полного и окончательного их обнуления. Кстати, «обнуление» – очень актуальное слово в современных российских реалиях.

Так вот, ещё Редьярд Киплинг писал о синдроме отложенной жизни – правда, не обобщая. У него англичанин двадцати двух лет от роду едет в Индию, и тридцать лет работает там, в колониальной администрации. И все тридцать лет уверен, что сегодня и сейчас – момент проходной и неважный, а настоящая жизнь начнётся потом, когда он вернётся в Англию, купит большой дом и будет в клетчатом пальто и велюровой шляпе гулять с собакой по вересковым пустошам, предвкушая послеобеденный отдых в кресле у камина с рюмкой неизменного хереса.

Фёдору тоже было двадцать два года, когда после окончания Петербургского горного университета он приехал в Красноярск и устроился на работу в компанию нефтегазового профиля «РосГеоПерспектива». С тех пор десять сезонов провёл в экспедициях: в Тыве, в степях Хакасии, южных районах Красноярского края. Начинать тогда, когда были лишь компас и карта, которую надо было заполнять от руки на колене при свете фонарика. Это сейчас все ходят с приборами спутниковой навигации, карты можно рисовать и заполнять на смартфоне, а у некоторых особо продвинутых специалистов имеются даже газовые анализаторы. Подносишь, типа, такой анализатор к интересующему тебя куску породы и сразу узнаёшь его химический состав. Впрочем, современная геология и теперь недалеко ушла от компаса, кайла и молотка. Экспедиции длятся с апреля по октябрь, и всё это время – ты в болотных сапогах, штормовке, с молотком в руках и рюкзаком за плечами, – точно соответствуешь сложившемуся ещё с советских времён стереотипу. Геологи – это презирающие комфорт бородатые мужики, они годами живут в палатках и поют надрывные песни про тайгу и верных друзей.

Фёдор надрывных песен не пел, но иллюзий относительно своей жизни не испытывал. Дело в том, что работать в Сибирь едут отнюдь не за экзотикой и природными красотами,

а за надбавками и высокими зарплатами. Чтобы накопить денег, купить квартиру, машину, дачу где-нибудь в Центральной России, переехать туда, завести семью. Не у всех это получается. Вот и у Фёдора пока не получилось. Ему уже за тридцать, а ни семьи, ни детей, на квартиры. Он не вступал в ипотеку – зачем? Если скоро отсюда уезжать. Не заводил серьёзных отношений – зачем? Если в другом месте его ждёт настоящая жизнь и встреча с той единственной, что зовётся суженой. Вот и получалось, что для Фёдора Макарова из всех радостей жизни оставались лишь поездки в отпуск в Турцию, в Египет, в Грецию, в Таиланд с временными, часто менявшимися подругами.

Такое его, прямо скажем, незавидное существование закончилось самым неожиданным образом, когда в один из тёплых майских дней минувшего года он добрался до каньона Ершак, что Восточных Саянах. Ведь каждому, уважающему себя геологу известно, что именно в краевых участках горных хребтов и каньонах следует искать следы поверхностных выходов нефти и газа в виде сероводородных фаций и битуминозных осадочных отвалов грунта. В каньоне Ершак всё это теоретически могло быть, но лишь теоретически, поскольку каждому уважающему себя геологу известно, что большинство легкодоступных крупных месторождений нефти и газа в России уже открыто, и надо вести поиск глубоко залегающих полезных ископаемых, не дающих явных аномалий на поверхности. Уход же на глубину означает применение новейших западных технологий, по сравнению с которыми кайло и молоток – орудия первобытного человека. Именно таким первобытным человеком Фёдор себя и представлял, когда шёл в направлении Перевала Птицы по лесистой гористой местности с тяжёлым рюкзаком за плечами, продираясь временами через заросли колючего сибирского малинника и дикого ежистого шиповника. Невесёлые мысли усугублялись ещё и тем, что ему приходилось работать в одиночку, без экспедиционного рабочего. А таковой ещё совсем недавно у него был – некий Мосунов – инженер, осуждённый за кражу денег при строительстве космодрома «Восточный». Мосунов отбывал пятилетний срок в колонии-поселении близ Красноярска, но каждую весну уходил по согласованию с лагерной администрацией в тайгу, где до поздней осени работал в геологических партиях тягловым мулом. Был он физически крепким, достаточно надёжным и малопьющим. Не нравилась Фёдору лишь его излишняя говорливость, которую лишь отчасти удавалось гасить угрюмым молчанием. Мосунов условно-досрочно освобожден в первых числах апреля, и никого вместо него в помощь Фёдору не прислали. Несмотря на настоятельные просьбы. Ну не сволочи ли?

Если что и примиряло Фёдора Макарова с действительностью, так это невероятная природная красота Восточных Саян. И каньон Ершак был в этом смысле настоящей жемчужиной. Горы раздвинули здесь свою неприступную гряду, смягчили суровость очертаний и образовали укрытый от глаз уголок, где цветы и листья были девственно чисты, молодая трава стлалась, как бархат, а неширокий ручей умерял свой быстрый бег, разливаясь тихой заводью. По одну сторону заводи небольшая лужайка сбегала к самой воде, заканчиваясь зарослями стелющегося тальника и серебристого душистого узколиста. Свежая травяная зелень лужайки пестрела яркими пятнами цветочных островков – тысячи головок лилово-синего прострела перекликались с огненными венчиками жарков и нежными белоснежными анемонами с запахом сладким, как сама весна. Другой же берег ручья отлого поднимался ввысь и упирался в скалистую стену, покрытую, словно ковром ручной работы, редким многоцветным, узорчатым лишайником. Дальше за каньоном поднимались холмы, высились горные кряжи, простирались широкие, поросшие соснами предгорья. А на горизонте, там, где в солнечных лучах сияли вечные снега, вздымались каменные исполины – знаменитые Манские Столбы, чьи невероятные формы, напоминающие причудливых зверей из волшебных сказок, вызывали восторг, трепет, мистическое настроение.

И разнообразные, замешанные на мистике, чувства, действительно охватили Фёдора Макарова, когда его взору открылась панорама каньона Ершак. Но эти чувства были вызваны

отнюдь не природными красотами, а тем, что из-за большой скалы, похожей на вставшего на задние лапы медведя, поднимался столб густого чёрного дыма – там явно догорали обломки то ли вертолётa, то ли легкомоторного самолётa, а на покрытой цветами лужайке, чуть поодаль друг от друга, лежали два великолепных кейса, предназначенных для перевозки денег. Фёдор сразу это понял, хотя раньше никогда таких кейсов не видел.

Не веря своим глазам, он зажмурился и помотал головой, затем огляделся и увидел себя в самом центре безлюдья. Кругом, насколько хватало глаз, гряда за грядой высились горы. На востоке главный хребет горной цепи словно упирался своими белоснежными пиками в небо. На севере и юге отчётливо различались сплетения горных кряжей, вливавшихся в главное русло этого океана гор. К западу волны хребтов спадали, отступая гряда за грядой, сливаясь с округлыми холмами предгорий, а те в свою очередь как бы таяли, сбегая в долину к руслу реки Маны. И в этих величественных просторах ничто не напоминало о людях или о творениях их рук – ничто, кроме столба дыма за скалой и двух лежащих на дне каньона кейсов, предназначенных для перевозки денег.

Теперь в глазах Фёдора загорелось любопытство – растревоженное, жадное, и, не ища обходных путей, понуждаемый внутренним жаром, от которого запылало лицо, он начал спуск с того места, где стоял, – с головокружительной высоты, прыгая легко и упруго, как горный козёл. На самом краю пропасти из-под ног у него выскользнул камень, но это его не испугало. Он ведь знал, какая награда его ждёт внизу, да и тренированное тело геолога ни разу ещё не подводило. Ноги в тяжёлых армейских ботинках успевали использовать даже самую неверную опору, чтобы оттолкнувшись от неё, стать на твёрдую почву. Даже там, где откос падал почти отвесно, и удержаться на нём нельзя было бы и секунды, Фёдор не колебался: перебрасывал тело вперёд, цепляясь руками за выступ скалы, или за расщелину в камнях, или за куст с подозрительно обнажившимися корнями. Когда до земли оставалось не более трёх метров, он прыгнул с отвесной скалы на мягкий оползень, закончив спуск в туче сыплющейся земли и гальки.

Дрожа от нетерпения, с ломотой в спине и онемевшими мускулами, он бросился к добыче, чтобы удостовериться, не пусты ли кейсы. Убедившись, что не пусты, а напротив, судя по немалому весу, заполнены под завязку, и навесные замки в исправности, Фёдор направился к тихой заводи и там, припав к земле у самой воды, стал жадно пить из ручья. Потом, приподняв голову и утирая рот рукой, окинул взглядом русло в нижнем течении, где невысокие скалы клонились друг к другу, и каньон замыкался нагромождением обомшелых каменных глыб, скрытых за зелёным щитом густого кустарника. Сидя на траве у ручья, он долго и пылливо изучал окрестности с целью понять, как ему, навьюченным тяжеленными чемоданами, выбраться отсюда без существенного риска для жизни и потери во времени. Обдумывал, как проложить новый маршрут, поскольку путь, по которому он пришёл сюда, – по каменистой пересечённой местности – не был бы по силам никому.

Наконец, приняв решение, Фёдор встал и, подхватив тяжеленные чемоданы, перешёл ручей ниже разлива, осторожно ступая с камня на камень. Он не мог проникнуть взглядом за зелёную стену, за которую, журча, убегала, вода, но он знал, что все стекающие с местных гор реки, речушки и ручьи – это притоки большой реки Маны, на берегу которой располагалась деревня Долгиниха – место дислокации геологической партии. Следовательно, надо держаться русла ручья и надеяться на удачу. Иного не дано, и будь, что будет. Кстати, очень хорошо, что из всей геологической партии он остался на базе в Долгинихе один одинёшенек. Раньше это его огорчало, а сейчас... Обветренные губы тронула улыбка, серые глаза сузились, в них загорелся алчный огонёк, присущий, как явствует из приключенческой литературы, пиратам и золотоискателям, и Фёдор Макаров, неслышно ступая по мягкому бархату молодой травы, растаял с добычей в глубине каньона беззвучно, как привидение.

С его уходом дух Ершака прокрался обратно в свои владения. Дух тишины – но не безмолвия, дух движения – но не действия, дух мирного отдохновения, исполненного жизненных сил, но далёкого от яростной борьбы и изнуряющего труда. Снова дремотно зашептал ручей, послышалось жужжание горных пчёл, бабочки, паря, закружились среди деревьев. Только редеющий чёрный дым за скалой напоминал о недавнем происшествии из жизни людей – этих чуждых природе существ, нарушивших покой каньона и отошедших прочь.

Что касается трагедийной стороны происшествия, то Фёдор старался о ней не думать, так как был убеждён: Судьба не предуготовила ему в данной ситуации роль спасателя. Иначе, зачем было выкладывать заботливой рукой на лужайке, как на подарочном блюде, без единой вмятины кейсы, а ужасную картину катастрофы скрывать от его глаз в глубоком ущелье? И хотя разум говорил другое, – что люди просто выбросили ценный груз из вертолёта за секунду до катастрофы, осознав её неизбежность, – Фёдор был уверен: это подарок Судьбы, и отказаться от него – это проявить непростительную глупость и вопиющую неблагодарность – вызвать типа эмчээсников и сообщить о случившемся. Ну да, нашли дурака! Он искренне не желал знать, по какой причине произошло крушение, и сколько человек погибло. В том, что погибли все – не сомневался; по опыту знал, что в таких авариях не выживает никто. Так что ещё раз посоветовал себе выкинуть из головы ненужные мысли и сосредоточиться на маршруте, который становился всё опаснее.

Особенно страшным был переход через лес, в буквальном смысле паривший над пропастью. Деревья, корневая подстилка, корни, торф висели меж гигантских, до тридцати метров скальных глыб. Ноги пружинили, как на батуте, кружилась голова, кружился весь остальной мир, раскачивались в руках тяжёлые чемоданы, и каждый шаг мог обернуться падением в глубокое ущелье, на дне которого бесновался ручей, превратившийся в ледяной порожистый поток.

Но судьба снова сделала ему подарок в виде осинового лодки-долблёнки, пришвартованной к брошенному лесозаготовителями полусгнившему плоту, застрявшему на отмели в устье ручья, у впадения в реку Ману. На этой утлой лодчонке Фёдор спустился вниз по течению до посёлка лесозаготовителей, возникшего когда-то на берегу большой реки, а ныне давно опустевшего. От него было рукой подать до места дислокации геологической партии – небольшой деревни Долгинихи, которую жители покинули лет десять назад, а то и больше. Это было грустное зрелище – среди заросших бурьяном садов и огородов, вдоль разбитой вездеходами деревенской улицы стояли, разрушаясь, потерявшие своих хозяев дома, оставленные вместе со всеми предметами убогого крестьянского быта. Домов – не более трёх десятков, и ни в одном не заколочены окна и не заперты двери, только прикрыты. Типа заходи и бери всё, что приглянулось.

На не склонного к рефлексии Фёдора эта картина упадка и разрушения не производила гнетущего впечатления. Сердце билось ровно. А сейчас он, по известной причине, был даже рад царившему вокруг безлюдью, и тому, что из всей геологической партии он остался один одинешёнёк. Боже, как же это было кстати!

Но настоящее радостное потрясение он испытал, когда, спилив с кейсов навесные замки, обнаружил не рублёвую наличность, предназначенную для выплат местным рабочим на отдалённых приисках, как он думал, а лежащие на синем вельвете ровными рядами пачки пятисотевровых купюр. Мама дорогая! Выпить есть чего?

Во фляжке оставалось немного медицинского спирта. И Фёдор, глотнув раз, другой, третий, принялся, сдерживая дрожь в руках, считать купюры и взвешивать пачки. Оказалось, что миллион наличных евро весит два килограмма двести граммов. Общий вес добычи составлял тридцать три килограмма, из чего следовало, что Фёдор заполучил пятнадцать миллионов в твёрдой валюте. Мама дорогая! Во фляжке что-нибудь ещё осталось?

Допив спирт, он загрузил в два рюкзака драгоценную наличность, после чего отправился с опустевшими кейсами в руках к берегу, к ожидавшей его у пристани осинового лодке-долблёнке. Толкаясь шестом, поднялся до Кабаржиного камня километров пять от посёлка лесозаготовителей, там свернул в протоку, держа курс на остров Вербный.

Остров Вербный, прямо скажем, невелик. С середины протоки виден и тот и другой конец его. Растительность на нём мелкая, но до того густая, что металлоискатель не протыщишь, не говоря уже о громоздком геолокаторе. Космы ольховника и верб переплелись там с побегами дерена и черёмушника, образовав непроходимую чащу, к которой и захочешь – не подступишься из-за колючек маличника и зарослей бирючины, называемой в народе волчьей ягодой. И это не считая пырея, метлиги, крапивы и лабазника. Место – лучше не придумаешь. И Фёдор, забросив чемоданы подальше от берега, в самую непролазную чащу и гущу, тем же путём вернулся в Долгиниху, где, почувствовав вдруг страшную усталость, немедленно завалился на боковую.

Он был так физически измотан, что, дав себе слово встать пораньше, проспал серые пред-рассветные часы и проснулся, когда косой луч солнца ударил в закрытые веки. Вздрогнув, открыл глаза и некоторое время озирался вокруг, пока не установил связи между событиями вчерашнего дня и настоящей минутой. Одеться ему было недолго – только натянуть армейские ботинки. Завтрак тоже много времени не отнял – картофельные галеты с консервированным паштетом, хлебные галеты с яблочным повидлом и кружка горячего растворимого кофе с сахаром – благо имелся портативный розогреватель.

И вот уже Фёдор с двумя рюкзаками, набитыми деньгами, идёт к берегу реки Маны, где его ожидает верная осинового лодка-долблёнка. На ней он доплывёт до большого села Увалы, оттуда на попутках доберётся до Красноярска, где в офисе компании «РосГеоПерспектива» его ждёт встреча с главным менеджером по работе с кадрами на предмет немедленного из компании увольнения.

Главный менеджер по работе с кадрами – пожилой мужчина с внешностью отставного военного – был явно чьим-то родственником. И это полностью соответствовало бытующему ещё со времён половцев и печенегов обычаю, согласно которому все тёплые места во всех конторах по всей стране занимали, занимают и будут занимать исключительно чьи-то родственники.

Из всех его талантов и умений – главным было умение придавать лицу каменное выражение. Но душой он при этом не зачерствел. Потому к пожеланию Фёдора уволиться отнёсся с пониманием, и препятствий чинить не стал.

– Тебя бы всё равно осенью уволили, – сказал он, сменив каменное выражение на сочувственное. – По окончании сезона. Сейчас Арктика в приоритете. А там полевые геологи не нужны. Там инновационные технологии рулят. Наше местное нефтегазовое подразделение тоже, скорей всего, ликвидируют, как неперспективное.

Он вздохнул и, немного помолчав, спросил:

– А ты что, новое место нашёл? Где, если не секрет?

– Секрет, – сказал Фёдор.

– Да ладно, – кадровик махнул рукой. – Знаю я ваши секреты. Сейчас все на заработки в Китай едут. На угольные разрезы. Вот и Мосунов туда уехал. Помнишь такого? Он у тебя несколько сезонов маршрутным рабочим отработал. Правда, его обстоятельства вынудили.

– Какие обстоятельства? – Фёдор аж подался вперёд. Все перипетии жизни бывшего маршрутного рабочего вызвали у него сейчас жгучий интерес.

– Ты за новостями следишь? – спросил между тем кадровик, явно настраиваясь на долгий разговор.

– Да не очень, – сказал Фёдор. И соврал, ибо, вернувшись из тайги, едва ли не в ежечасном режиме мониторил федеральные и местные СМИ на предмет появления сообщений о пропавшем вертолёте. – А что, случилось что-то серьёзное?

– Для Мосунова – да. – Кадровик ладонью взъерошил волосы. – В марте этого года был арестован генеральный директор космического центра «Восточный». А за несколько лет до этого был арестован, если ты помнишь, главный инженер космодрома с группой пособников. Среди них был и наш Мосунов, получивший пять лет в колонии-поселении. И вот, отсидев три года, он условно-досрочно освобождается в апреле. И нате вам, тут же получает повестку от следователя! Генерального замели, и его вызывают по новому делу, как свидетеля. Как тебе сюжет, а?

– Жалко, мужика, – сказал Фёдор, хотя никакой жалости к Мосунову не испытывал. – Теперь понятно, почему он рванул в Китай,

– А что ему оставалось делать? – кадровик развёл руками. – У нас ведь как – пойдёшь к следаку, как свидетель, а выйдешь – с подпиской о невыезде. А там и до нового тюремного срока недалеко.

– Как вы думаете, вернётся назад? – задал Фёдор главный, мучавший его вопрос.

– Думаю, не вернётся. – Главный менеджер по работе с кадрами покачал головой. – В тюрьму его здесь закатают точно, уже как рецидивиста. Это к бабке не ходи. И потом, если честно, мало, что его здесь держало. Жена от него ушла, дети разъехались. Вот он и отправил повестку в мусорное ведро, а сам отправился во Внутреннюю Монголию. Там на границе с провинцией Шэнси самые большие угольные разрезы. И жить там можно – вполне себе не тужить. Жильё дешёвое, еды навалом и заработки приличные. Мастер шахтной поверхности, к примеру, получает в пересчёте на доллары около двух тысяч в месяц. Плохо ли, скажи?

– Скажу, что всё-то вы знаете. И ничего от вас не скроешь.

Фёдор произнёс эти волшебные слова не только с целью польстить начальнику, снабдившему его ценной информацией, но и чтобы навести на ложный след. И, кажется, ему это удалось.

– А то, – заулыбался чрезвычайно собой довольный кадровик. – Работа у меня такая. Будешь во Внутренней Монголии – Мосунову привет передавай.

– А то, – ответил в той же манере Фёдор. И, посчитав визит законченным, вышел из начальственного кабинета, полный сил и оптимизма.

Причина было простой: после разговора с кадровиком он окончательно уверовал в то, что найденные в каньоне миллионы подарены ему Судьбой, а Мосунов являлся никем иным, как её посланником, призванным рассказать, как эти миллионы можно легализовать. Тогда, в тайге Фёдор этого не понял, лишь копил глухое раздражение. Типа, где он, и где те огромные деньжищи, о которых талдычит этот мутный тип, таскающийся за ним по горам с тяжёлым рюкзаком, набитым инвентарём и кусками пустой породы. Раздражение временами переходило в тихое бешенство с желанием отрубить рассказчику голову мечом. Кстати, если кто помнит, с Иоанном Крестителем, который тоже был своего рода посланником, именно так и поступили.

Фёдор ничего не знал ни об Иоанне Крестителе, ни о постигшей того участи. Зато он узнал об участи, постигшей Мосунова, который, не без санкции высших сил, был, по исполнению своей миссии, нейтрализован путём отправления на чужбину с билетом в один конец.

Сообщивший об отъезде Мосунова кадровик владел лишь голой информацией, сакральная же суть этой истории была понятна только Фёдору, что укрепляло его в ощущении избранности.

Таким образом, все части пазла сложились в единое целое. Невозможное стало возможным. Путь на Москву был открыт.

Оставалось лишь восстановить в памяти всё, о чём говорил Мосунов. И желательно в деталях.

Вначале инженер просто врал, заявляя о своей полной невинности. Обвинял судей в предвзятости и продажности, проклинал свидетельствовавших против него в суде своих коллег и сотрудников космодрома «Восточный», ужасался условиям содержания в СИЗО, где в камерах вместе с приличными людьми сидят злодеи, изверги, мучители, настоящие звери в обличье людей. Но самую жгучую ненависть он испытывал к следователям, которые путём угроз, запугивания и даже прямого физического насилия вытрясли из него честно заработанные деньги. В ходе дальнейшего повествования, однако, выяснилось, что это были не совсем честные деньги, а если говорить прямо – совсем не честные, а наворованные. И было их так много, что Мосунов в бытность инженером на хорошей должности всерьёз озаботился проблемой их легализации.

– На что бы ты потратил деньги, если бы внезапно разбогател? – спросил он как-то раз у Фёдора.

Ответом было угрюмое молчание, но Мосунова это не смутило.

– Вложил бы в недвижимость, конечно. – Он указал пальцем в небо. – Деньги, что галки, всё в стаю сбиваются. И куда же они со всей страны летят? В Москву, конечно. В Подмосковье, на Рублево-Успенское шоссе. Именно там находятся хитрые риелторские конторы, которые хоть и внесены в Единый государственный реестр юридических лиц, да вот только в Росфинмониторинге на учёте не состоят. Росфинмониторинг – это финансовая разведка, если ты не знал.

Фёдор напряг душевные силы, чтобы не дать ему в морду, но Мосунов, конечно, этого не заметил.

– Есть ещё и другие, самые надёжные, – продолжил он в том же духе. – Эти на учёте в Росфинмониторинге вроде бы состоят, да только антиотмывочный закон посылают лесом. Согласно этому закону риэлторы обязаны проверять все сделки на предмет чистоты денег и непричастности к финансированию терроризма. И, конечно, обязаны информировать финансовую разведку обо всех подозрительных случаях. Но, если риелтор проводит сделку наличными и никуда об этом не сообщает, то и Росфинмониторинг никогда ничего не узнает. Откуда же ему знать, если выездные проверки он практически не проводит. Не спрашивай, откуда я это знаю. Просто знаю и всё.

Фёдор всё больше наливался злобой, на скулах вздувались желваки, но Мосунов, словно не замечая этого, упорно продолжал посвящать его в тонкости приобретения загородной элитной недвижимости. Он сообщил, что сам лично обзвонил с десятков столичных риелторов – представился советником высокопоставленного провинциального чиновника – и все, абсолютно все, согласились работать с наличкой и сопровождать сделку на подставное лицо. Особенно хорош был некий Цилькер Александр Самуилович. Мосунова он подкупил фразой: «Если бы мы выясняли у всех источники их доходов, то ни одной сделки не было бы». И ещё тем подкупил, что сразу предложил зарезервировать для такого хорошего клиента чудесный дом с большим участком и прекрасными соседями. Четыре спальни, гостиная, столовая, кухня, кабинет, бильярдная, зимний сад с джакузи, не считая подсобных помещений, – всё это за смешные шесть миллионов долларов.

– Всё же уже было на мази. – Лицо Мосунова скривилось в плаксивой гримасе. – Они же мечту мою зарубили! Понимаешь, мечту!

Он повторял эту историю много раз, всё с новыми подробностями и пространными, уводящими от главной сюжетной линии объяснениями, ну и немало удивляя бывалого геолога Фёдора Макарова умением виртуозно расцветчивать речь матерными выражениями и нецензурными лексическими оборотами.

Ещё были повествования о трудном детстве, о неустроенной юности, о неудачном браке и неблагодарных детях-спиногрызах, и конечно, о начальниках, хапнувших миллиарды и вышедших сухими из воды. Вот эти рассказы вспоминать, точно не стоило. И Фёдор обра-

тился мыслями к тому главному, что он извлёк из глубин своей памяти. Главным, без сомнения, был Александр Самуилович Цилькер.

Поисковая система Яндексa, как всегда, не подвела. И вскоре выяснилось, что данный персонаж не только владел агентством по продаже элитной загородной недвижимости «Best Estate», но и являлся публичным человеком – композитором, поэтом, бардом. Слыл хорошим организатором – редкий фестиваль самодеятельной песни обходился без его участия. На некоторых он и председательствовал. И всегда и всюду обзаводился друзьями, что при такой, как у него, располагающей внешности, было совсем нетрудно.

О его человеческой привлекательности свидетельствовали интернетовские изображения полноватого, красиво седеющего мужчины, с неизменной ироничной улыбкой на губах и с верной спутницей-гитарой в руках. Круглое, добродушное лицо с двойным подбородком украшали очки в дорогой оправе и небольшие усики, естественным образом завивающиеся вверх, что придавало всему облику некоторую молодцеватость.

Кстати, если уж речь зашла о гитаре, то вот как отзывалась о песенном творчестве Александра Самуиловича одна очень образованная дама – хозяйка литературной гостиной:

«В песнях Цилькера соединены блоковский щемящий надрыв и убийственный сарказм Заболоцкого. Но питательной их почвой остались низовые, почти лубочные вирши, которые с давних времён сочиняли, распевая под гитару анонимные народные менестрели. Цилькер нашёл в них художественный ход, позволивший говорить об эпохе языком внятным ей и вполне её достойным. Он понял, что такой язык необыкновенно пластичен, ибо подходит для патетики и шаржа, для высокой гражданственности и ситуаций, граничащих с абсурдом, но в особенности – для монолога героя, любимого его героя, маленького человека наших дней. И вот эти монологи, эти баллады, в которых общество, смеясь и плача, узнаёт самоё себя, сделались центром поэтического мира Цилькера. Если хотите, его фирменным знаком».

Изю всех размещённых на ютубе цилькеровских виршей Фёдору особенно понравилась таёжно-туристическая песня, в которой присутствовал и щемящий надрыв («Как тяжко, братцы, жить без тех костров, вина по кругу и золы картофельной»), и убийственный сарказм («А нынче мне в палатку не залезть никак, и пальцы часто путают лады»). Ну и мелодия песни понравилась – простая такая, легко запоминающаяся.

Собственно, это и решило дело. Ощущение, что он взял верный след, превратилось в спокойную уверенность – Цилькер и никто другой. Недаром же любимым героем Александра Самуиловича был маленький человек наших дней. Особенно тот, кто придёт к нему однажды «в потёртых джинсах и кепчонке ношеной» (это тоже слова из песни) не с пустыми руками, а с видавшим виды рюкзаком, в котором завалилось несколько лимонов в твёрдой валюте.

Добираться до Москвы Фёдор решил на перекладных, чтобы не светиться в аэропортах и на вокзалах. По опыту знал – лучше всего, когда подвозят дальнобойщики. Для них перегон в двести, триста километров – норма, даже в пятьсот – не предел. При этом не стоит заезжать во всякие малонаселённые деревушки и городишки – через них мало кто едет на длинные расстояния, так что можно застрять, и надолго. Ну и последнее правило – поддерживать из вежливости разговор с водителем, сообщая о себе лишь то, что хочешь сообщить, отсекая ненужные вопросы.

Фёдор сразу сообщал, что он геолог, в рюкзаках – камни – ничего ценного, пустая порода, но порядок есть порядок. Поэтому везёт он их для отчётности в Москву, в Главное управление геологоразведки. А не отчитаешься – денег не получишь, это во всех отраслях так.

Никто из водителей ни разу за всё время пути в рассказе Фёдора не усомнился. Да и как могло быть иначе, если весь его облик внушал доверие. Мужественное, обветренное, бородатое лицо, куртка-ветровка, рабочие брюки, тяжёлые армейские ботинки на шнуровке и старая брезен-

товая шляпа-панама – такая пятнистая и бесформенная, что самый вид её говорил о суровой борьбе с дождём, ветром, солнцем и дымом костров.

Ещё Фёдор отметил, что водителям явно нравились слова о порядке и о Москве, в которой всё решается, и которая этому порядку является гарантом. Это их как бы даже вдохновляло.

Самого Фёдора вдохновил паломник – бородатый блондин с длинными волосами, босногий, – шёл в абсолютной глуши на перегоне из Томска в Омск. Там едва ли одна машина проезжает в день – с одной стороны – леса и болота, с другой стороны – леса и болота, и он, такой, – с большим портретом царя Николая Второго – поднял руку, как бы благословляя.

С этим благословением Фёдор перевалил через Урал, полдня провёл в Казани, добрался на перекладных до Нижнего Новгорода, оттуда – автостопом до Иваново, а там уже было рукой подать до Великих Лук – города, где он родился, и где старом родительском доме проживала его сестра с семейством.

Долго задерживаться у родственников Фёдор не собирался. В планах было лишь немного передохнуть и сменить имидж. В местном торговом центре он коротко постригся, сбрил бороду, а также приобрёл спортивный костюм «Champion», кроссовки «Reebok» и две вместительные сумки из прочной, водонепроницаемой ткани, с молниями, крепкими ручками и заплечными ремнями. В сумки перекочевала из рюкзаков драгоценная евровая наличность. Правда, не вся. Малая часть её была впихнута в трёхлитровую стеклянную банку и зарыта в глухой предрассветный час на огороде за сараем, рядом с большой компостной кучей.

А в шесть утра по местному времени Фёдор в новом прикиде, с сумками наперевес уже садился в междугородний автобус, чтобы через восемь часов ступить на московскую землю. От столичного автовокзала «Северные ворота» до деревни Жуковка, что на Рублёво-Успенском шоссе, он добирался на такси. И всю дорогу, мысленно представляя себе встречу с Александром Самуиловичем Цилькером, обдумывал линию поведения. То, что придётся врать и выдумывать сомнений не вызвало. Вопрос был в другом – насколько он одарён, как самозванец. Сможет ли, импровизируя по наитию, подать насквозь лживую историю так, чтобы она дышала правдой. Когда у Фёдора от мандража уже начали стучать зубы, вдруг очень кстати вспомнился совет некоего подвизающегося на Яндекс. Дзене психолога с ником «Спокойно, гвардейцы!». Звучал он так: «Если обстоятельства вынуждают вас сказать неправду, – начните врать со слов «в общем», «в общем-то», «вообще-то».

Вообще-то Фёдор волновался зря. Небольшой, отделанный по фронтому серым мрамором особняк с белыми колоннами – место дислокации агентства по продаже элитной загородной недвижимости «Best Estate» – гостеприимно распахнул перед ним свои двери. Вежливый охранник, узнав о цели визита, немедленно препроводил в апартаменты секретарши, где та, сверкая белозубой улыбкой, предложила подождать немного в мягком кожаном кресле, пока она переговорит с начальством. Не прошло и пяти минут, как Фёдор уже сидел в точно таком же мягком кожаном кресле, только в кабинете Цилькера, к ногам, словно верные псы, жались сумки с деньгами. Перед этим стороны представились и обменялись рукопожатиями. Усевшись напротив, за большой письменный стол, заставленный разнообразной оргтехникой, Цилькер спросил:

- Вы ведь не местный, Фёдор Петрович, так?
- Не местный, – подтвердил Фёдор.
- А откуда к нам прибыли, если не секрет?
- Из Великих Лук. Город есть такой – Великие Луки.
- Понятно, – Цилькер удовлетворённо качнул головой. – И бизнес ваш тоже там?
- В общем, да, – сказал Фёдор.
- На луке, значит, поднялись?
- Вообще-то, не совсем, – сказал Фёдор после небольшой заминки.

– Да это я в шутку спросил, – засмеялся Александр Самуилович, демонстрируя отличные белые зубы. – Если человек из Великих Лук, значит, и поднялся на луке. Смешно, правда? А если серьёзно, то расспрашивай мы клиентов об источниках их доходов, ни одной сделки не заключили бы. Ну, Фёдор Петрович, вы ведь сюда не случайно заглянули? Гуглили, наводили справки, расспрашивали знакомых, ведь так?

– Так, – подтвердил Фёдор.

– Значит, не будем терять время, поедem смотреть дом.

– Что, так сразу? – поразился Фёдор.

Он-то думал, что перед ним развернут карточной колодой красочные проспекты с изображениями домов, садов и интерьеров, да и соответствующие ролики на мониторе компьютера покажут под разговоры об объектах элитной загородной недвижимости, их достоинствах и недостатках. Всё оказалось намного проще.

Впрочем, выбора у него не было. Цилькер уже поднимался из-за стола со словами:

– Да этот дом только и дожидается такого хозяина, как вы. Сами всё увидите, поехали. Сумки можете здесь оставить, у нас есть специальная комната с бронированной дверью. Там ведь у вас деньги?

– Да, – сказал Фёдор. – Но лучше я их с собой возьму.

– Отлично, с собой так с собой. – Цилькер уже шёл к двери. – В доме есть надёжный сейф фирмы «Фише» с двенадцатичисловым кодом и с блокиратором. Забросим туда деньги и займёмся осмотром. Так устроит?

– Вполне, – сказал Фёдор. И поспешил следом.

У подъезда на боковой алее стоял роскошный серебристый «порше» с откидным верхом. Фёдор ещё когда шёл сюда, обратил на него внимание, подумав: «Вот мне бы такую машину»...

– Быстро бегаёт? – из вежливости спросил, усаживаясь на пассажирское место.

– Пять миллионов. В рублях, конечно. Не хотите?

– Вы имеете в виду...

– Да, да, – энергично закивал красиво седеющей головой Александр Самуилович. – Пять миллионов, и «порш» ваш.

– Знаете, я не совсем готов... – Фёдор был явно ошарашен. Подобная быстрота реакции и натиск были для него – провинциала – непривычны и немного пугали.

– Тогда четыре миллиона, – продолжал напирать Цилькер. – Что, тоже не хотите? Тогда думайте. Как созреете, дайте знать.

Позже, как-то само собой выяснилось, что у него много машин, иногда казалось, что он меняет их каждый день. Но надо отдать должное – водить он умел. Всё время на одной скорости, очень аккуратно, при этом успевал внимательнейшим образом обозревать окрестности и поддерживать разговор.

– Вон сосед ваш едет. – Он указал на крохотную чёрную малолитражку, двигавшуюся в плотном потоке машин параллельным курсом. – Похоже на катафалк карлика. Верно?

– Верно, – согласился Фёдор. – А кто он, этот сосед? Чем занимается?

– Это Жермен. Владелец популярнейшего салона красоты. Знаете, как он назвал своё заведение? «Всё в Жермен!». Звучит почти, как «Сен-Жермен», очень по-французски. На это и расчёт. А сам он русский. Просто имя – часть имиджа. Каждый год покупает себе новую модель «Чинквегенто», неизменно чёрную и лакировано-блестящую.

– Ух ты, а что это он делает? – спросил Фёдор, глядя, как Жермен, резко выворачивает свою малютку на тротуар.

Затем владелец салона красоты стремительно покотился вперёд, гоня перед собой рыжую долговязую девицу в чрезвычайно коротких шортах, покуда она не вскочила на ступеньки клуба «Брукс». Оказавшись в безопасности, бегунья протестующе повернулась, но, опознав в водителе Жермена, заулыбалась и приветственно помахала рукой.

– Я думаю, он специально покупает маленькие машины, чтобы ездить по тротуарам и не стоять в пробках, – сказал Александр Самуилович, отвечая на вопрос Фёдора. – Он вообще немного странный, временами забавный, но дело своё знает. И за это ему многое прощается.

«Уж я бы точно не назвал его забавным», – подумал Фёдор, глядя на лысого, молодого, сухого, как мумия, субъекта, что вылез из внезапно остановившейся на тротуаре чёрной малолитражки. Одет субъект был в коричнево-белый клетчатый костюм.

Через минуту остановился и «порше» у кованых узорчатых ворот, с литыми розами и птицами, с гирляндами листьев, перевитых искусно скрученными позолоченными спиралями.

Повинуясь сигналу пульта, ворота плавно распахнулись, и машина покатила к дому, находившемуся в центре небольшого, на диво ухоженного парка, спроектированного по классическим канонам. Дорожки были вымощены гранитной плиткой и обрамлены цветущими кустами роз и пионов, свежая зелень газонов радовала глаз, парковые зоны были разделены живыми изгородями, а в тени искусно подстриженных лиственных и хвойных деревьев прятались искусственно состаренные мраморные статуи. Над водной гладью пруда с берегами из серого сланца возвышалась фигура Посейдона – нагого античного бога с юношескими ягодицами и такими же икрами. Близ этой фигуры мужчина азиатской внешности рыхлил землю у кустов водного ириса.

Дом не был образцом классического стиля, но он был именно таким, каким представлялся в мечтах – большим, просторным, с эффектным мраморным фронтоном и множеством куполов, башенок и эркеров. Внутри – всё тоже поражало воображение. Антикварная мебель, каждый предмет – произведение искусства. На стенах в столовой – знаменитые импрессионисты, на стенах в гостиной – поздние фламандцы (по дому Фёдора вёл естественно Цилькер). На втором этаже четыре спальни – большие и безупречные с точки зрения цветовых решений. Выписанный в своё время из Кембриджа психолог с мировым именем посоветовал выполнить интерьеры в двух цветах – незабудки и фуксии, ибо именно эти цвета вызывают состояние тихого, сдержанного ликования. При каждой спальне – гардеробная, санузел и ванная. Всё выполнено в тех же основных интерьерных тонах.

Но настоящее ликование Фёдора охватило, когда, поднявшись на третий этаж, он оказался в кабинете – просторном, вызолоченном заходящим солнцем помещении с выходом в зимний сад. Драгоценный паркет, необъятный письменный стол, глубокие кожаные кресла, на стенах – ни одной картины, сплошь книги до самого потолка. Но, как говорится, не верь глазам своим. Одна из стеллажных книжных секций оказалась фальшивой, точь-в-точь как в старых шпионских фильмах. За ней скрывался частично вмурованный в стену вместительный стальной сейф, что привело Фёдора уже в полный восторг.

Цилькер предпочёл деликатно удалиться, – лишь показал, как надо набирать цифровой код, объяснил принцип действия блокиратора, и вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

А Фёдор, загрузив в сейф деньги и успешно справившись с несложным сейфовым механизмом, вышел в зимний сад, чтобы немного прийти в себя. Для него, выросшего в бедности, в практически никаких условиях, всё увиденное оказалось своего рода культурным шоком, неожиданностью. Той, что смещает перспективу, обесценивает прежние ценности и, озарив всё вокруг колдовским волшебным светом, смешивает реальное с нереальным. Единственное, в чём Фёдор был уверен, так это в том, что в этом доме мог бы полагать себя абсолютно счастливым человеком. Да и как могло быть иначе, если и в зимнем саду всё дышало роскошью, покоем и уютом. Это было место для отдыха, чаепитий и бесед. Настоящий английский стиль – дорогая плетёная мебель, качественный текстиль, большие растения в керамических и каменных горшках, искусственно состаренные скульптуры, вазы, чаши фонтанов. Большие панорамные окна позволяли, устроившись удобно в кресле, обозревать окрестности едва ли не с бинок-

лем. И ведь было на что посмотреть – район был явно уважаемым и богатым, о чём свидетельствовали видневшиеся кое-где в просветах между деревьями соседские дома. Впрочем, один дом был вполне себе явно виден. На его крыше сияла разноцветными огнями эффектная вывеска «Все в Жермен!».

«А ведь я здесь уже почти свой», – подумал Фёдор. И с чувством глубокого удовлетворения присоединился к Александру Самуиловичу, сообщившему, что сейчас они спустятся на нижний цокольный этаж здания, где Фёдора ожидает сюрприз.

В бильярдной – а она располагалась именно там – у стены выстроилась целая коллекция бильярдных киев с надписями. Кий знаменитого советского актёра, кий известного политика, кий легендарного исполнителя шансона, кий внушающего трепет силовика... У Фёдора перехватило дыхание – ёкарный бабай, лучшие люди страны! Он перебирал деревянные палки, как ребёнок новые игрушки, благоговейно касался пальцами кожаных кружков на их концах, проносил вслух отдельные фамилии, уточняя статус их обладателей. И получив утвердительный ответ, крутил головой, не веря своему счастью. Войти, пусть и опосредованно, в круг сильных мира сего – об этом простой геолог Фёдор Макаров и мечтать не мог!

– Они и сейчас стоят немало, – сказал Цилькер, старательно натирая мелом кожаную нащёлку на своём кие. – А лет через десять их на любом аукционе с руками оторвут. А вы играете в бильярд?

– Нет, – сказал Фёдор. – Как-то не приходилось.

Александр Самуилович, чуть наклонив голову, окинул взглядом бильярдное поле и ударил, быстро и решительно. Вообще, все его движения были спокойными и уверенными, и как бы резко ни звучали его слова, эта резкость не казалась высокомерной, скорее продуманной и выдержанной.

Фёдору ничего не оставалось, кроме как провожать глазами движение белых шаров, их столкновение, откат.

– От борта дуплетом – вот как можно справиться с Едрёнкиным, – промолвил Цилькер, кладя кий на стол. – Усвоили, молодой человек?

– Я не совсем понял... – начал было Фёдор, но Александр Самуилович его перебил, сказав:

– Владимир Иванович Едрёнкин – лучший бильярдист в округе. Настоящий мастер. Скоро сами в этом убедитесь.

«Ну, уж это точно будет не скоро» – подумал Фёдор. И ошибся. Ибо, не прошло и пяти минут, как означенный персонаж возник в дверном проёме дома без шума и пыли, как привидение.

– Начальник местного подразделения Федеральной Службы Охраны, – отрекомендовался он, входя в холл без приглашения. – Едрёнкин Владимир Иванович. А ты, как я понимаю, Фёдор Петрович Макаров?

– Да, – сказал Фёдор, пожимая протянутую руку.

Рука была твёрдой и холодной, как и её владелец, в том смысле, что начальник местного подразделения Федеральной Службы Охраны производил впечатление твёрдого и холодного человека.

– Мне Семёныч звоночек роздал, – Едрёнкин кивнул в сторону Александра Самуиловича Цилькера. – Вот я и решил: чего человека в контору приглашать, лучше сам заеду, познакомлюсь и проведу соответствующий инструктаж. Ну что, пошли в столовую?

Фэсэошник явно брал инициативу в свои руки. И Фёдору с его-то бэкграундом это понравиться никак не могло. Он решил держаться настороже. И правильно решил.

Стоило всем рассестись у большого обеденного стола с мраморной столешницей, как ему был задан вопрос:

– Ты же, Фёдор, из великолукских будешь?

– В общем, да, – сказал Фёдор, чувствуя, как лёд под ним пошёл мелкими трещинами.

– А из кенгисепских, кого знаешь?

Лёд уже ломался по-настоящему, но Фёдору удалось сохранить самообладание.

– Вообще-то, я с ними уже давно не в контакте, – произнёс он почти без заминки. – Многие, я слышал, вообще не при делах.

– Это да, – согласно кивнул Владимир Иванович. – Разбросало ребят, разметало. Я ведь почему спрашиваю, сам-то я из выборгских. Мы там с Костей Громовым вместе начинали. Только он в бизнесе так и остался, а я вот теперь на государственной службе. Ты, Фёдор, будь достоин этого дома. Эх, сколько здесь было выпито, съедено! Вот, Семёныч, не даст соврать.

– Действительно, есть, что вспомнить, – произнёс Цилькер с некоторой досадой в голосе. – Только счёл бы своим долгом сообщить, что Константин Степанович Громов – хозяин этого дома, в настоящее время находится в американской тюрьме. Дом с участком продаётся по генеральной доверенности.

– Да, – сокрушённо помотал головой Едрёнкин. – Подловили нашего Костю америкосы на своей грёбаной юрисдикции. Двадцать пять лет ему дали, ни за что. Это, считай, пожизненно. Сволочи!

– Сволочи, – подтвердил Цилькер без всякого, впрочем, энтузиазма в голосе. И тут же спросил: – А что там, кстати, с апелляцией? Я, когда в последний раз связывался с его адвокатами, понял, что они подают апелляцию.

– Ну какая может быть апелляция в Америке для русского человека? – Владимир Иванович удивлённо поднял брови. – Они же там все грёбаные русофобы. Я и тебе, Семёныч, постоянно говорю, не пытайся ты разместить свои творения – поэмы там всякие, стихи, – на ихнем Амазоне. Разместишь, и сразу попадёшь под ихнюю юрисдикцию. А это значит, что засадят тебя в тюрьму за любой косяк, даже если накосячил не на ихней американской территории. Вот с Костей так и получилось.

– Сволочи, – снова произнёс Цилькер, и снова без всякого энтузиазма. – Ладно, господа, – он постучал по столу пальцами, как бы требуя внимания. – Вернёмся к делам. Итак, тринадцать миллионов зелёню.

– Десять, – откликнулся Фёдор, поражаясь собственной смелости.

– Двенадцать с половиной.

– Десять с половиной.

– Двенадцать. И больше не уступлю ни цента. Вы же понимаете, Фёдор Петрович, а, буду называть вас просто по имени, вы же, в конце концов, мне в сыновья годитесь. Так вот, Фёдор, вы же понимаете, что я не один в цепочке?

Сузившиеся глаза Владимира Ивановича были красноречивее всяких слов.

– У меня евро, – сказал Фёдор.

– Отлично. Сейчас пересчитаем.

Цилькер пару раз тыкнул указательным пальцем в свой смартфон, после чего объявил:

– Десять миллионов с небольшим округлением в вашу пользу. А сейчас ознакомьтесь с договором купли-продажи. – Он извлёк из сумки-планшета несколько печатных бланков. – Это наш типовый договор. Условия, конечно, жестковаты, но это наша обычная форма. Обратите внимание – в течение двенадцати лет вы не будете иметь к агентству никаких претензий. И если надумаете продавать дом, то только через «Best Estate». В общем, здесь всё ясно до предела и не оставляет места для пререканий, отравляющих отношения между риэлтором и клиентом. Уверяю вас, все столичные риэлторы работают по таким договорам. Вопросы имеются?

– Имеются, – сказал Фёдор. – У Константина Громова есть жена, дети там, вообще, родственники?

– Хороший вопрос, – усмехнулся в усы Александр Самуилович. – Вы, я вижу, имеете представление о змеиных родственниках, что катаются из залов судов в адвокатские

конторы, туда и обратно в режиме нон-стоп. Здесь в этом отношении всё чисто. Последняя жена с ним развелась, оставшись ни с чем в плане недвижимого имущества, согласно брачному договору. Остальные родственники, если они есть, я уверен, надёжно нейтрализованы громовскими адвокатами. Он, кстати, всегда пользовался услугами самых лучших адвокатов. Ваш паспорт, пожалуйста. Если больше нет вопросов.

– У меня вопрос, Семёныч, – встрял в разговор Едрёнкин, зорко следивший за происходящим. – Не про адвокатов, нет, таких хороших, что оказался-таки Костя в пиндосской тюрьме. Я о другом хочу спросить. Я слышал, ты женишься на Костиной бывшей. Она ведь тёлка на все сто, или, как сейчас говорят, десятка. Правда или нет?

– Неправда, – сказал Цилькер, беря у Фёдора паспорт, извлечённый из кармана спортивной куртки. – Я хочу жениться не на Костиной бывшей, а на жене её друга. Она тоже десятка. Понял? Господи, это же проще простого: если друг женится на Костиной бывшей, ему придётся перед этим развестись со своей женой, и тогда на ней женюсь я.

– Но ты же сейчас вроде как женат? – Вытаращил глаза Владимир Иванович.

– Уже развёлся. Неделю назад. И это пятый мой развод.

«Вот она, высшая математика», – подумал Фёдор. – «Еще учиться и учиться».

Учиться ему предстояло не только тонкостям местных матримониальных отношений, но и кое-чему другому.

– Давай, пока Семёныч документы заполняет, поговорим с тобой вот о чём, – Едрёнкин придвинулся к Фёдору, и тот увидел его холодные голубые глаза. – Ты забор на задах своего участка видел?

– Нет, – сказал Фёдор. – Я как-то ещё...

– Ладно. Завтра увидишь и вспомнишь мои слова. Этот забор такой, какой должен быть, не выше и не ниже. Стандартный. Потому как отделяет твой участок и все крайние участки от правительственной трассы, охраняемой снайперами. Ничего не должно над ним возвышаться, ни строения, ни дерева. Костя это знал, и у него там лишь газон и кустики какие-то невысокие. Теперь и ты знаешь. А то вот был случай, Семёныч не даст соврать...

– С батутом, – отозвался Цилькер, не отрываясь от писанины.

– Ага, с батутом, – губы Едрёнкина растянулись в улыбке. – Купил мужик детям батут, установил у забора. А после сам начал прыгать. Прыгал, прыгал и до того допрыгался, что пулю в задницу от снайпера получил. Сейчас ходит, хромает.

– Понятно, – на всякий случай сказал Фёдор, не зная, разыгрывают его с батутом или говорят серьёзно. И ещё раз повторил:

– Понятно.

– Вот и хорошо, что понятно. – Цилькер придвинул к нему бумаги. – Подписывайте. И будем заканчивать. Время уже позднее.

На этом в этот день всё и закончилось. Цилькер с фэсэошником убралась с десятью миллионами евро восвояси, оставив на столе в холле связки ключей и кучу брелоков с пультами, и посоветовав по всем бытовым вопросам обращаться к таджику Бурхарбаеву. Тому самому, что рыхлил днём землю у ирисов. А Фёдор, заперев в сейфе драгоценную бумагу, удостоверяющую его право собственника, отправился в спальню, выкрашенную в цвет фуксии, где его действительно охватило чувство тихого, сдержанного ликования.

В ванной комнате его ожидал ещё один сюрприз – гидромассажная ванна, куда он и плюхнулся, предварительно заполнив ёмкость тёплой водой с добавлением океанической соли. Там, находясь в состоянии блаженного ступора, едва не заснул. Но всё-таки нашёл в себе силы после примерно часа водных процедур выбраться из булькающей купели и добрести до кровати. Чтобы почти сразу погрузиться в кошмар, в котором его, в тысяче жутких облиций, преследовал начальник местного подразделения Федеральной Службы Охраны Владимир Иванович Едрёнкин. Фёдор с двумя тяжёлыми чемоданами бежал подземными барсучьими ходами, думая,

что это путь к спасению. Но впереди его ждал охраняемый снайперами забор – тот самый, стандартный, не ниже и не выше, который ни перепрыгнуть, ни обойти. Ничего не оставалось, кроме, как завывать от отчаяния – громко и протяжно, – думая, что сошёл с ума, поскольку собственный пронзительный вой сливался с шумом работающего на холостом ходу двигателя.

Проснувшись, Фёдор сел в постели, и обнаружил, что гол по пояс и вообще гол (это подтвердило дальнейшее исследование). С улицы через настежь распахнутое окно действительно доносился громкий протяжный вой вакуумного насоса, сливавшегося с шумом работавшего на холостом ходу двигателя. А вскоре в комнату проник и знакомый с детства запах выгребной ямы.

«Ассенизаторская машина. Надо же, не думал, что здесь такое возможно», – подумал Фёдор.

Пошарив в темноте, нащупал один из дюжины выключателей, управлявших освещением различных частей спальни, посмотрел на часы – два часа ночи. Он выключил свет и принял горизонтальное положение.

Не прошло и десяти минут, как шум прекратился, но о том, чтобы снова заснуть, нечего было и думать. Нахлынули воспоминания. Ведь запахи, как известно, способны вызывать такие же сильные воспоминания, как старые фотографии или рассказы о прошлых событиях.

Если говорить о прошлых событиях, то детство и юность Фёдора прошли в посёлке городского типа, что в северной оконечности Великих Лук, недалеко от ныне практически брошенного локомотиворемонтного завода. Посёлок состоял из бараков, частных домиков с огородами, лесопилок, каких-то ржавых сарайчиков и нескольких хрущёвских пятиэтажек из серого силикатного кирпича. Вместо дорог – полуметровой глубины колеи в раскисшей грязи, заасфальтирована лишь одна главная улица посёлка. Фёдор покинул это гиблое место благодаря жившему в Петербурге дяде, посоветовавшему племяннику попробовать поступить после окончания школы в горный университет на факультет геологоразведки. Конкурса на этот факультет практически не было, зато студентам выдавали форменные пиджаки, что существенно сокращало траты на одежду. Дядя знал, о чём говорил, поскольку работал в главном университетском здании гардеробщиком, а жена его пребывала в том же здании на одном из этажей в должности буфетчицы.

Фёдор действительно поступил на геологоразведку, а после завершения образования отправился на заработки в Сибирь, где провёл в экспедициях десять долгих лет. И вот совсем недавно (боже, всего три дня назад!) с огромными, упавшими с неба, деньжищами вернулся в родной посёлок. И обнаружил, что со времён его юности он совсем не изменился, как и старый родительский дом с печным отоплением и удобствами во дворе. Изменения коснулись проживавшей в этом доме с семьёй старшей и единственной его сестры, которая из стройной, открытой, доверчивой девушки превратилась в грузную, неуклюжую, скандальную бабу с кирпичным цветом лица. Причины такой деформации до тошноты банальны. Муж-алкоголик (слава богу, недавно покинувший этот мир) и растущие сорванцами двое погодков-сыновей наполнили её жизнь беспокойством и страхом. Никакие успокоительные не действовали, и сестра стала искать забвения там, где его от века находят русские люди. Почему она выбрала пиво, а не водку, никому знать было не дано, только она под завязку загружалась им каждый вечер, словно это было её главной на земле обязанностью. Выпив лишнего, сестра часто срывалась в истерику, кричала, плакала, жаловалась на судьбу, на бедность, обездоленность, с рыданиями поминала бабушку-покойницу с её присказкой: «Богатому в кашу масла доложат, а бедному и в воду нассут!»

И вот тут Фёдора посетила мысль, заставившая его снова сесть на постели. Он и раньше сомневался в адекватности сестры, считая подобные выступления своего рода манифестациями сорвавшейся с петель души, а сейчас понял, насколько огульным было утверждение про «нассут», поскольку вот только что выяснилось: ссут и бедные и богатые в одинаковые выгреб-

ные ямы. Только бедные ссут туда непосредственно, а богатые посредством дорогих унитазов. Ночное дефиле ассенизаторской машины по улицам одного из самых богатых посёлков страны было прямым доказательством ментальной близости почти всех слоёв населения, что в отличающемся нестабильностью современном мире дорогого стоило.

Эта мысль настолько умиротворяющее подействовала на Фёдора, что он, посчитав её за откровение свыше, заснул просветлённым и успокоенным.

Но вот у кого ночной визит ассенизаторской машины точно никакого душевного просветления не вызвал, так это у Герегина Гургеновича Погосяна. Он прямо сообщил Фёдору, что поганый пидорас Жермен своими говновозками всех задрал. Правда, сообщил он это не сразу, а спустя некоторое время после знакомства, которое состоялось утром следующего дня, когда Фёдор обходил свои владения в сопровождении таджика Бурхарбаева. Именно Бурхарбаев и заметил стоявшего у кованых ажурных ворот Герегина Гургеновича, машущего руками с целью привлечения внимания.

– Это сосед. Напротив живёт, – сказал таджик, приглядевшись к грузной невысокой фигуре в синем спортивном костюме. – К нему пойдёте, или гараж показать? На три машиноместа, но сейчас совсем пустой.

– Гараж подождёт, – сказал Фёдор, подумав: «У меня ещё и гараж есть!».

И пошёл к воротам, навстречу своему новому другу, ибо Погосян, представившись, сразу предложил ему дружить. Чтобы позвать протянутую руку Фёдор вышел за кованые ворота, шаг – весьма опрометчивый ибо, очутившись на тротуаре, едва не попал в дружеские объятия – уклонился в последний момент, но хлопок по спине был достаточно ощутимым.

Вскоре стало ясно, что дружить они будут против пидораса Жермена, который, купив участок земли у ещё большего пидораса Панурского, возвёл на нём свой сраный салон красоты, выкопал перед ним септик и замаскировал его туями. И вот уже целый год отравляет жизнь соседям шумом по ночам и невыносимой вонью. Особенно страдали, и особенно летом – престарелые родственники Погосяна – его мать, бабушка, девятиностовосьмилетняя няня, а также многочисленные тёти и дяди.

– Пойдём в дом, – сказал предложивший называть себя Гариком Погосян. – У нас обычай такой – приглашать нового друга в дом.

– Я даже не знаю... – начал было Фёдор, но, встретив укоризненный взгляд коричневых армянских глаз, тут же замолк.

Дом был большим, но не чрезмерно большим для армянского семейства, насчитывавшего в данный момент пятнадцать человек. Кроме жены и детей Герегина, которому принадлежал дом и участок, в прямом родстве между собой состояли: его вдовая мать, его вдовая бабушка и трое бабушкиных братьев – Акоп, Багдасар и Вазген. Все трое напоминали старых чёрных воронов – носатых, неопрятных и взлохмаченных. Акоп был самым лихим из воронов – периодически вырываясь из-под домашней опеки, он в пух и прах проигрывался в местной букмекерской конторе, неизменно делая ставку на выигрыш ереванской футбольной команды «Пюник», занимавшей 270 место в рейтинге от УЕФА. Самым степенным был дядя Багдасар, занимавшийся домом и усадьбой. Дядя Вазген посвятил себя науке, но широкого признания не получил, поскольку его исследования проводились в чрезвычайно узкой области – он интересовался только собственной родословной. Проследил происхождение своего рода по трём различным линиям, восходящим к Арташесу Завоевателю, чем очень гордился. Самой старой из домочадцев была девятиностовосьмилетняя няня Салвиназ, прикованная к постели последние пятнадцать лет. У неё были наличные драмы, и она хранила их в красном фланелевом мешке под подушкой. Она получала огромное удовольствие от того, что под большим секретом сообщала каждому члену семьи в отдельности, что он (или она) – её наследник.

В других комнатах лежали: тётя Нури – жена дяди Багдасара (она была на семь лет моложе няни Салвиназ и прикована к постели примерно столько же, сколько та), сестра тёти Нури – тётя Карина – старейших инвалид дома, она слегла намного раньше няни, хотя была моложе той на пять лет, и муж тёти Карины – дядя Погос. Он тоже проводил большую часть жизни в постели, но по тёплым дням мог сидеть в кресле у окна. Жена дяди Вазгена – тётя Манушак была пока на ногах, но, поскольку в её обязанности входил уход за всеми, кто лежал, ей, по общему мнению, недолго осталось гулять и резвиться. Десять слуг обихаживали домохозяев и друг друга – все Пашотяны, все дальние родственники – представители, так как сказать, боковой ветви Погосьянов. В их обязанность входило, кроме всего прочего, обеспечивать семейство пятью мясными трапезами ежедневно. Они и Фёдора по указанию Герегина хотели затащить в столовую, где был накрыт стол, ломившийся от яств, названия которых звучали в их гортанном исполнении, как суп хаш, бастурма, суджук, хахалухт, аштарак и форель из Севана.

Соблазн был велик, но Фёдор от трапезы решительно отказался, ибо понимал: преломить хлеб с Герegiном Погосьяном – означало стать его союзником в противостоянии с владельцем салона красоты Жерменом, что было бы преждевременным и даже опасным. Лучше остаться в статусе постороннего наблюдателя, ведь в том, что в противостоянии всё по серьёзному, он убедился при знакомстве с девятилетней бабушкой хозяина дома – седой, одетой во всё чёрное старухой с крупным носом и морщинистым лицом. Глядя на гостя скорбными, безумными глазами, она произнесла на очень плохом русском что-то типа:

– До спокойной жизни я не доживу. – И поцеловала библию, что бережно держала в старческих, покрытых синими венами руках.

Присутствовавший при этом дядя Акоп бросился к окну и замолотил по стеклу кулаками. Его тут же схватили и увели. А глаза Герегина Погосьяна наполнились слезами.

Его глаза наполнились слезами и сейчас, когда сосед наотрез отказался от дружеского застолья, и неизвестно, чем бы дело кончилось, ибо у Фёдора уже дрогнуло сердце, но его спас звонок Александра Самуиловича Цилькера.

– Приветствую, – произнёс он бодрым утренним голосом. – Вы сейчас где?

– У Гарика Погосьяна, – сказал Фёдор, поднимая в прощальном жесте руку. – Но уже домой направляюсь.

– Ага. Значит с Гариком познакомились. Очень хорошо. Соседи должны дружить и вместе решать встающие перед ними проблемы. Тут вот какое дело... – Цилькер два раза кашлянул в трубку. – А давай с тобой на «ты» перейдём? Для простоты общения. Лады?

И, не дожидаясь ответа, спросил:

– Ты же не собираешься, дорогой Фёдор, строить новую жизнь на чужом скарбе?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.